

УДК 94 (47+571)

**«ВЕДОМСТВЕННЫЙ ЭГОИЗМ»:
ПРАВИТЕЛЬСТВО, ГОСПЛАН И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ АМБИЦИИ АГЕНТОВ
СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1945-1949 гг.**

© 2017 А.В. Захарченко

Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Статья поступила в редакцию 25.04.2017

В публикации рассматривается процесс столкновения ведомственных интересов в советской послевоенной экономике на примере распределения и использования труда военнопленных.

Ключевые слова: Госплан, межведомственные конфликты, военнопленные, НКВД-МВД, Совет министров.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ

(проект «Госплан и межведомственные отношения в контексте экономической политики СССР в послевоенный период (1945-1953)» №16-01-50017, основной конкурс).

Одним из ресурсов, который сталинское руководство старалось использовать в процессе восстановления народного хозяйства после Великой Отечественной войны, являлся труд военнопленных. Встроенный в централизованную систему распределения, он, как и прочие ресурсы, становился объектом конкуренции хозяйственных ведомств, которые оказывали постоянное воздействие на правительство и Госплан с целью максимального обеспечения своих предприятий рабочей силой. Поскольку военнопленные находились в системе НКВД-МВД, это автоматически приводило к конфликту интересов, в котором правительство выступало в качестве арбитра. Госплан, как координирующий, согласовывающий хозяйственную деятельность агентов советской экономики (наркоматов, а с 1946 г. министерств) орган, обеспечивал баланс их потребностей в рабочей силе, выполнял функцию института, сдерживающего многочисленные запросы предприятий на ресурсы («ведомственный эгоизм»).

Правительство через свои отраслевые бюро во главе с заместителями председателя Сталина по правительству, а также через Госплан давало указания НКВД-МВД, каким образом распределять заключенных и военнопленных для тех или иных отраслей экономики¹. При этом сам Госплан становился объектом давления со стороны органов внутренних дел, отстаивающих свои хозяйственные интересы.

Как показывает анализ архивных документов, межведомственные конфликты име-

Захарченко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, международного права и зарубежного регионоведения, ведущий научный сотрудник. E-mail: zaharchenkoav@gmail.com

ли двухуровневую вертикальную структуру. Центральный уровень был представлен наркоматами-министерствами, правительством и Госпланом. Региональный уровень – предприятиями, представлявшими интересы хозяйственных ведомств, и местными партийными структурами. На примере столкновения ведомственных интересов по вопросам распределения и использования труда военнопленных можно проследить развитие отношений между агентами плановой советской экономики, процесс согласования интересов, возникновения и разрешения конфликтов при выполнении хозяйственных обязательств.

Следует отметить, что опыт привлечения военнопленных к трудовой повинности имелся и в годы войны. Например, труд военнослужащих вермахта и союзных Германии армий (венгры, румыны), попавших в плен после окончания Сталинградской битвы в феврале 1943 г., использовался на восстановительных работах в Сталинграде². После войны масштабы привлечения военнопленных на производство существенно расширились.

Сразу после окончания войны правительство поручило наркоматам и другим ведомствам прислать заявки на возможный прием и размещение военнопленных. 22 мая 1945 г. заместитель председателя СНК СССР А.Н. Косыгин представил председателю Госплана Н.А. Вознесенскому записку, где был предложен вариант распределения военнопленных на основе присланных заявок. Всего наркоматы, главки, предприятия готовы были принять и «трудоустроить» 409,6 тыс. военнопленных. Наибольший спрос проявляли Наркомат лес-

ной промышленности СССР (249,3 тыс. человек) и предприятия республиканских наркоматов и местных организаций, рассчитывавшие использовать труд военнопленных в городском хозяйстве (115,2 тыс.)³. Однако, по всей видимости, это был не окончательный вариант. От наркоматов и их подразделений в Госплан поступали просьбы скорректировать заявки на распределение военнопленных в сторону увеличения. От НКВД ожидали предоставления рабочей силы уже летом, то есть в наиболее благоприятный период для заготовки топлива, строительных работ и т.д.

Расчет предприятий, строительств и других организаций задействовать труд военнопленных уже летом 1945 г. не оправдался. В письме заместителю председателя Госплана Г.П. Косяченко 22 июня 1945 г. заместитель наркома внутренних дел В.В. Чернышов не стал обнадеживать Госплан насчет быстрой их доставки на объекты наркоматов, сославшись на транспортные затруднения и медленное продвижение эшелонов военнопленных с фронтов. При этом в НКВД сразу дали понять, что не поддерживают инициативу других ведомств по дополнительным заявкам на предоставление военнопленных. В связи с этим Госплан просили «никаких записей по военнопленным в решениях СНК СССР или ГКО не делать, а в балансе плана рабочей силы точно руководствоваться указанными постановлениями ГКО»⁴.

Руководители хозяйственных ведомств рассматривали труд бывших военнослужащих вермахта и его союзников как важное условие выполнения напряженных плановых заданий в первые послевоенные годы. Так, в ноябре 1945 г. на авиационных заводах Москвы из 25770 рабочих 5370, или 20%, были военнопленными и трудились на основном производстве⁵. Решая кадровую проблему, предприятия старались использовать мобилизационные возможности лагерей НКВД-МВД. Однако лагерная система не могла удовлетворить запросы производства на квалифицированные и узкоспециализированные кадры. В письме заместителю председателя Совета министров СССР Берии от 30 мая 1947 г. секретарь Сталинградского обкома В.Т. Прохвятилов просил оказать помощь Сталинградскому тракторному заводу (СТЗ) и тресту «Тракторострой», которые оказались не в состоянии выполнить ни правительственные постановления, ни решения региональных властей о форсировании восстановительных работ на заводе и увеличении выпуска тракторов и запасных частей. Поскольку возможности мобилизации местного населения уже были исчерпаны, руководство Сталинградского обкома просило решить вопрос о выделении и завозе 3000 воен-

нопленных из других городов СССР для завода и треста «Тракторострой»⁶. Судя по содержанию писем руководства МВД, просьба секретаря Сталинградского обкома была удовлетворена лишь частично⁷. Однако, учитывая значение, которое придавалось восстановлению промышленности Сталинграда и, в частности, такого индустриального его символа, как СТЗ, запросы на обеспечение «спецконтингентом» принципиальных возражений не вызывали и поддерживались правительственными и партийными решениями.

За возможность расширения параметров использования труда военнопленных и заключенных в рамках отдельной отрасли или даже предприятия и строительства между ведомствами возникали неизбежные разногласия. Госплан выступал как высшая хозяйственная инстанция, оценивавшая степень реальности возникавших ведомственных запросов. В споре наркоматов-министерств за право получения военнопленных НКВД-МВД участвовал и как заинтересованная сторона, когда это затрагивало его интересы как хозяйственной структуры, и как арбитр, если речь шла о подтверждении уже принятых решений по распределению контингентов. Об этом свидетельствует реакция руководства НКВД на обращения Госплана дать заключение на просьбы хозяйственных организаций. Если их запросы выходили за рамки уже принятых высшими государственными инстанциями директив, то в руководстве органов внутренних дел подобные обращения отвергали «с порога», как это произошло с предложением, направленным Госпланом в МВД в ноябре 1945 г., передать 1000 японских военнопленных на строительство гидроэлектростанций в Киргизии. Отрицательная реакция заместителя наркома внутренних дел В.В. Чернышова была вполне предсказуемой. Он сразу сослался на постановление ГКО от 23 августа 1945 г., предписывавшее НКВД направлять военнопленных японской армии «только для объектов Наркомата авиапромышленности»⁸.

Развернувшаяся конкуренция ведомств за «спецконтингенты» отставила в сторону вопрос о создании необходимых бытовых условий для военнопленных. Если речь шла о предоставлении «контингентов» на контрагентские работы предприятиям и строительным трестам других организаций, то в таких случаях НКВД-МВД проявлял щепетильность, требуя от хозорганов выполнения своих обязательств. В этом споре Госплан оказывался в центре выяснения межведомственных отношений. Когда в октябре 1945 г. в Госплане разбирался очередной запрос на выделение на этот раз Главвоенморстрою 20 000 военнопленных японцев для работы на объектах этого главка на Дальнем Востоке (Ха-

баровский, Приморский края, Читинская область), Чернышов от имени НКВД высказался категорически против, сославшись на то, что «Главвоенморстрой не сможет всех принять», и военнопленные ему будут выделяться в соответствии с готовностью для них жилищного фонда⁹.

Следует отметить, что, предъявляя запрос на подневольный контингент, наркоматы-министерства вступали в конкуренцию за подневольный труд с самим НКВД-МВД, поскольку производственные главки этого ведомства вели масштабную хозяйственную деятельность, как и все другие, были перегружены плановыми заданиями послевоенной пятилетки. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы по корректировке планов хозяйственной деятельности НКВД на 1946 г. Сменивший 29 декабря 1945 г. Л.П. Берия на посту наркома внутренних дел С.Н. Круглов¹⁰ направил 5 января 1946 г. для рассмотрения в Госплан материалы по предполагаемым параметрам производственно-хозяйственной деятельности наркомата на I квартал 1946 г. Установка Госплана сводилась к тому, чтобы как можно меньше идти на уступки ведомственному давлению. Поэтому неудивительно, что после изучения предложений Круглова сводный отдел Госплана в записке от 12 января 1946 г. цифры для предприятий и строек НКВД по многим позициям пересмотрел, увеличив их по некоторым видам продукции¹¹.

Документы переписки наркоматов-министерств, региональных партийных комитетов с правительственными инстанциями раскрывают стремление получить дополнительные контингенты заключенных и военнопленных. Следствием этого стали разногласия с главным распорядителем «подневольных контингентов» – органами внутренних дел. Даже при выполнении государственных решений руководство МВД имело возможность их обойти, формально следуя букве того или иного постановления. Например, заменять на объектах хозорганов здоровых заключенных на нетрудоспособных, сохраняя при этом их общую численность. Однако такое поведение встречало противодействие со стороны региональных властей и представителей экономических ведомств, на объектах которых трудились заключенные и военнопленные. Представителей НКВД-МВД могли уличить в таком формализме. Следствием разногласий, как видно из документов, могли быть обращения в правительство и Госплан с критикой органов внутренних дел, которые пытались решить вопрос с содержанием заключенных за счет хозорганов.

Анализ документов позволяет судить о расхождении в подходах к использованию принудительного труда в советской экономике. Если для центрального партийно-государственного

руководства военнопленные являлись в экономическом плане прежде всего мобильным трудовым ресурсом, который можно было в любой момент в массовом порядке перебрасывать на различные участки хозяйственного комплекса, то для отраслевых министерств, в особенности для директоров предприятий и строек, региональных руководителей, подневольные контингенты рассматривались в качестве дополнительной рабочей силы, обеспечивающей на конкретном строительстве, заводе, шахте и т.д. текущее выполнение производственных планов. Отсюда и устойчивое стремление регионального начальства и директорского корпуса закрепить «контингент» за конкретными объектами. Например, в рамках программы восстановления города Орла в нем был организован специальный лагерь военнопленных. Однако из-за процесса постепенного освобождения бывших военнослужащих армий противника было принято решение о расформировании лагеря. В связи с этим 6 июля 1948 г. секретарь обкома Крылов и заместитель председателя Орловского горисполкома Домарев направили телеграмму в Совет министров В.М. Молотову с просьбой дать указание МВД оставить данный лагерь до 1 ноября, чтобы дать возможность подготовить до этого времени необходимые кадры рабочих. Руководство региона беспокоила перспектива лишиться рабочих рук в разгар строительного сезона¹².

Во многих случаях обращения руководителей региональных партийных комитетов в правительственные инстанции являлись результатом ходатайств хозяйственных организаций в партийные органы. Содержание таких ходатайств показывает, как хозяйственные организации «лоббировали» свои интересы посредством обращений к партийному руководству регионов, на территории которых располагались предприятия тех или иных ведомств.

Труд военнопленных на объектах хозяйственных организаций

Анализ делопроизводственных материалов НКВД-МВД показывает, как жизнь военнопленных представлялась в фокусе ведомственных директив, приказов и распоряжений. Информационные справки, докладные записки о физическом состоянии военнопленных, их трудовой деятельности, медицинские сводки о заболеваемости, обзорные справки о санитарном состоянии лагерей, их продовольственном и материальном обеспечении – все это отражало систему контроля центра над исполнением нижестоящими инстанциями, в данном случае администрацией лагерей, конкретных функций в отношении обитателей архипелага ГУПВИ

(Главного управления по делам военнопленных и интернированных). Многочисленные обзоры о производительности труда военнопленных, выполнении ими установленных норм выработки имели своей целью показать, насколько реализуется принцип самокупаемости лагерей. Поскольку одной из основных задач ГУПВИ, которую ставило руководство СССР перед органами внутренних дел, являлось обеспечение трудовыми ресурсами предприятий и организаций, то в истории советских лагерей ГУПВИ тема производственной деятельности военнопленных представлена весьма широко, о чем свидетельствует масса архивных источников и проведенных на их основе исследований. Центральное и региональное руководство НКВД-МВД, имея установку стремиться к снижению дотационности и достичь самокупаемости лагерной системы, было озабочено вопросом трудовой занятости военнопленных на советских предприятиях. Именно поэтому предметом постоянного внимания органов внутренних дел выступали проблемы условий и защиты труда подневольных работников, своевременной платы хозяйственными организациями за охрану и предоставление рабочей силы из числа военнопленных и интернированных, компенсации убытков по вине этих организаций и т.д. В свою очередь, в ситуации дефицита рабочих рук в послевоенной советской экономике предприятия других ведомств конкурировали между собой за право использовать дополнительные контингенты военнопленных. В результате отработанных бюрократических процедур в архивах отложился огромный пласт информации, иллюстрирующей не только аспект участия контингентов ГУПВИ в восстановлении советской экономики после войны, но и межведомственных конфликтов по поводу взаимных обязательств администрации лагерей и региональных управлений органов внутренних дел, с одной стороны, и предприятий, организаций других наркоматов-министерств – с другой.

Порядок работы военнопленных НКВД-МВД, в том числе и на объектах организаций других ведомств, регулировался правительственными директивами (такими как «Положение о военнопленных», утвержденное Советом Народных Комиссаров от 1 июля 1941 г.), а также соглашениями и договорами между региональными управлениями внутренних дел и лагерями, с одной стороны, и гражданскими хозяйственными организациями – с другой. 6 апреля 1943 г. вышел приказ НКВД №00675, на основании которого заместитель наркома внутренних дел С.Н. Круглов издал директиву о порядке трудового использования военнопленных. Региональные управления внутренних дел и лагеря

получали типовой договор на предоставление рабочей силы хозяйственным организациям и табель срочных донесений по трудовому использованию контингента.

Распределение военнопленных на работах в промышленности и строительстве производилось региональными управлениями и республиканскими наркоматами-министерствами органов внутренних дел по указаниям из центра – УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР. Согласно этим указаниям для каждой хозяйственной организации устанавливалось определенное количество (лимит) военнопленных, которое лагеря могли выделить. Оставшихся военнопленных распределяли в соответствии с указаниями региональных партийных органов и управлений внутренних дел.

Как правило, типовой договор предусматривал несколько пунктов обязательств. Администрация лагеря была обязана предоставить конкретной хозяйственной организации (хозоргану) необходимое количество спецконтингента для определенного вида работ, которые специально оговаривались. В случае, если работа требовала специальных навыков, в договоре прописывалась квалификация, которой должны были владеть военнопленные или интернированные. Так, в соглашении, заключенном в октябре 1944 г. между начальником лагеря №108 НКВД в Сталинграде А.А. Сороко и Сталинградским отделением «СОЮЗЗАГОТТРАНС» Наркомата заготовок В.Е. Пожарским, отмечалось, что лагерь должен был предоставить в распоряжение хозоргана шоферов для использования по специальности по транспортировке зерна¹⁵.

В договоре на хозорган возлагались обязательства, связанные с техническим руководством, техникой безопасности военнопленных, обеспечением их инструментами, механизмами, материалами, спецодеждой по установленным профсоюзным нормам. От хозоргана требовалось обеспечить необходимые условия для трудовой деятельности спецконтингента, поднятия производительности труда, использования рабочих только по прямому назначению. Организация необходимых коммунально-бытовых, санитарных помещений для размещения спецконтингента лагерей также возлагалась на хозорган. Все работы предусматривалось производить по специальным путевым листам, подготовленным администрацией хозоргана, с указанием характера работ, времени начала и окончания рабочей смены, объема и стоимости работ. В случае удаленности лагеря от производственной площадки на хозорган возлагалась обязанность обеспечить транспортировку спецконтингента от лагерной точки до места работы и обратно. В договоре уже упомянутого

сталинградского лагеря №108 со строительным трестом №4 Наркомата авиационной промышленности указывалось, что хозорган должен был обеспечить перевозку контингента, если путь от места работы до лагеря превышал 3 км.¹⁴ Характерно, что расстояние до 3-х км военнопленные должны были проходить в пешем порядке, причем время, затраченное на такой переход, не включалось в рабочую смену и не оплачивалось.

Следует отметить также, что хозяйственные организации, используя подневольную рабочую силу на своих объектах (как заключенных, так и военнопленных), вынуждены были иметь в виду ограничения, связанные с режимом содержания спецконтингента. В частности, необходимым условием предоставления рабочей силы со стороны НКВД-МВД являлось выделение хозяйственными организациями таких объектов, на которых исключалась возможность общения военнопленных и заключенных с вольнонаемными рабочими, кроме руководителей производства. Число таких лиц, допускаемых к общению с контингентом лагеря, должно было сводиться к минимуму и заноситься в специальные списки, которые согласовывались не только с начальником лагеря, но и с начальником областного, краевого управления внутренних дел или наркомом-министром автономной республики.

Что касается оплаты труда военнопленных, то хозорган обязан был перечислять средства на счет лагеря в соответствии с окладами вольнонаемных работников. Результаты выполнения военнопленными производственной нормы заносились в наряд-задание – специальный отчетный документ, который подписывали совместно руководитель от лица хозоргана (про-раб, мастер, начальник цеха) и представитель лагерной администрации. Как правило, такой документ оформлялся не реже одного раза в месяц и служил основанием для перечисления средств хозорганом лагерю за выполненные работы. В случае если организация-работодатель не выполняла условия договора, руководство лагеря имело право отказаться от предоставления рабочей силы данной организации. Кроме того, помимо природных факторов (стихийных бедствий) основанием для вывоза военнопленных и заключенных являлись также приказы и распоряжения руководства НКВД-МВД. Именно это условие становилось главной причиной разногласий администрации лагерей с работодателями. Кроме того, если хозорган не мог предоставить для военнопленных необходимой работы, то лагерь имел право получить от него компенсацию расходов на содержание спецконтингента и охраны.

Промышленные предприятия, строительные тресты и другие организации хозяйствен-

ных наркоматов-министерств зачастую старались обходить формальные ограничения, которые накладывали на них условия хозяйственного договора с местными управлениями внутренних дел или с отдельными лагерями, порой идя на сознательное нарушение соглашений с контрагентом. Материалы переписки, отчетно-информационные документы лагерных управлений показывают, как в погоне за дополнительными контингентами военнопленных хозорганы не задумывались о создании минимальных санитарно-бытовых условий для них. Вопрос трудовой мотивации, рациональной организации трудового процесса также часто оставался вне поля зрения хозяйственных организаций, стремившихся использовать труд военнопленных не согласно договорам, а по ситуации, которая порой складывалась так, что руководители предприятий, использовавшие военнопленных, не были заинтересованы в квалифицированном труде. Такое же отношение наблюдалось и со стороны сотрудников производственного аппарата лагерей. Об этом свидетельствуют многочисленные факты подобных нарушений, зафиксированных в ведомственных документах. В докладной записке сотрудника оперативного отдела управления лагеря №215 (г.Ульяновск) старшего лейтенанта Агафонова начальнику этого лагеря подполковнику Яновскому в июле 1945 г. говорилось, в частности, что договор с хозорганом о порядке трудоустройства военнопленных выполняется как плано-производственным отделом лагеря, так и самим хозорганом с грубыми отклонениями: «Вывод военнопленных [на работу] производится не по наряду-заданию, как это прописано в договоре, а по заявкам на рабочую силу, без указания видов работ, объемов и нормативов. Поступающие в плано-производственный отдел заявки на рабочую силу дублируются, передаются коменданту лагеря, зачастую без подписи руководства. Выведенные под охраной на строительную площадку военнопленные по часу и более могли стоять без работы, дожидаясь производственных руководителей и лагерной администрации»¹⁵. Хозяйственные организации г.Ульяновска старались максимально застраховать себя от дефицита рабочей силы, в своих заявках лагерям завышали действительные потребности в трудовых ресурсах. В результате военнопленные с вполне востребованных специальностей (кузнецы, токари, слесари) переводились на массовые работы, где не могли выполнить установленных норм выработки. Многие вообще простаивали без работы и соответственно, были лишены возможности обеспечить себе более высокие стандарты продовольственного снабжения. В упомянутом отчете приводился

такой пример: «В филиале машинопрокатной базы группа военнопленных – 34 человека 27 июля в ожидании зав. мастерской простояла 1 час рабочего времени... По требованию хозоргана на работу на лесозавод №1 Особой строительной-монтажной части №18 в течение 23-25 июля выводились военнопленные в количестве 100-110 человек. Хозорганы же указали 87 человек. Чем были заняты остальные – неизвестно»¹⁶. Отсутствие учета результатов работы приводило к тому, что военнопленные, несмотря на добросовестный труд, лишались поощрений, что снижало мотивацию к работе. Например, в том же лагере г. Ульяновска несколько десятков специалистов из числа военнопленных, несмотря на перевыполнение норм выработки, дополнительного питания не получали. В целом, по словам сотрудника оперативного отдела, в лагере №215 такие мероприятия, как своевременный вывод на производство, расстановка рабочей силы в соответствии с квалификацией, учет произведенной работы, вопросы стимулирования повышения производительности труда, вопросы качества, борьба за снижение затрат – «отдано на откуп как военнопленным, так и хозорганам»¹⁷. Сообщая руководству в Москву о причине плохих финансовых показателей за 1945 г. лагеря №215, его начальник, полковник Яновский, ответственность за это возлагал на хозяйственные организации, использовавшие военнопленных на тяжелых работах в качестве грузчиков и землекопов, которым выделялся инструмент такого плохого качества, что рабочие не могли выполнить необходимый минимум объема работ. Производительность труда всех трудоспособных пленных лагеря составила только 80%. В то же время, стремясь трудоустроить максимальное число военнопленных, лагерная администрация соглашалась выделять хозорганам на тяжелые работы ослабленных узников¹⁸. Такие примеры были характерны и для других лагерей системы ГУПВИ. Содержание архивных материалов позволяет говорить о том, что использование принудительного труда различных контингентов НКВД-МВД в силу тех или иных обстоятельств сопровождалось на низовом уровне нарушениями действующих инструкций, приказов, директивных указаний и других ведомственных документов, издаваемых руководством органов внутренних дел. Так, в 1948 г. на одном из совещаний начальников лагерных отделений лагеря №234 (Куйбышевская область) обсуждались факты правил трудового использования военнопленных. В частности, в лагерном отделении №5 ослабленных узников выводили на карьеры добывать камень, так как у администрации не было возможности трудоустроить военнопленных на более легкую рабо-

ту¹⁹. Бригады иностранных заключенных лагерного отделения №3 трудились на добыче камня в низкокачественной обуви на деревянной подошве, в результате получали травмы ног (ушибы, растяжения и т.д.). Военнопленные лагерного отделения №15, работая на строительстве жилых домов, в течение лета вынуждены были в жаркую погоду носить зимнюю одежду, так как летнего обмундирования у них не было. Группа военнопленных другого лагерного отделения, обслуживающего деревообрабатывающий завод, пешком преодолевала путь в 10 км от лагеря до места работы и обратно. Характерно, что администрация лагеря не ставила вопрос о прекращении вывода на производство ослабленных людей, а только просила сократить для них на 2 часа рабочий день²⁰.

Нарушая имеющиеся инструкции и условия договоров с лагерями, хозяйственные органы в первую очередь руководствовались собственными интересами, стремясь выполнить план по производству, не уделяя при этом должного внимания условиям труда, в которых должны были работать военнопленные. Представители органов внутренних дел в свою очередь отвечали за поддержание в трудоспособном состоянии военнопленных. Администрация лагерей, направляя в Москву отчеты, информационные сводки, ведя переписку с региональным и центральным руководством НКВД-МВД о составе контингента, согласно принятым требованиям указывала состояние «трудового фонда» лагеря, то есть количество узников, годных к выполнению физической работы. Если же промышленные предприятия, строительные и другие хозяйственные организации, используя труд пленных, не обеспечивали минимума условий, необходимых для работы, органы внутренних дел в лице руководства региональных управлений НКВД-МВД и отдельных лагерей воздействовали на работодателей, что приводило к разногласиям и конфликтам. Так, в марте 1947 г. сотрудники Управления внутренних дел по Сталинградской области (УМВД) расследовали гибель военнопленного румынской армии М. Авраама, узника лагеря №362, который получил смертельную травму во время работы на станке-прессе в отделении кузнечного цеха Сталинградского тракторного завода (СТЗ). Проверкой было выявлено, что М. Авраам не являлся квалифицированным специалистом, знакомым с прессовым оборудованием, и использовался только на уборке цеха и погрузке деталей. Реакция органов внутренних дел была жесткой. Начальник УМВД по Сталинградской области Н.В. Бирюков направил письмо руководителю области, секретарю обкома В.Т. Прохвятилову и директору Сталинградского тракторного завода, в

котором просил принять меры к использованию военнопленных, запретив допуск их к станкам без специальной подготовки. Начальник лагеря №362 получил указание проверить соблюдение техники безопасности на СТЗ и в случае ее нарушения военнопленных с работы снимать²¹.

В Куйбышевской области органы внутренних дел и администрация лагерей выказывали недовольство условиями труда военнопленных в строительных организациях. В ходе одного из разбирательств выяснилось, что строительный трест №11 Министерства авиационной промышленности не предоставлял военнопленным выходных дней, поскольку отставал от графика выполнения строительных работ, определенных планом²².

В Саратовской области, после проведенной проверки организации трудовой деятельности в лагерных отделениях, начальник управления №338 полковник Котилевский в приказе отмечал, что «в организации и осуществлении руководства аппаратом начальники лаготделений имеют много существенных недостатков, в результате которых работа служб построена беспланово, нет четкого распределения обязанностей, в работе наблюдается самотек, понижается ответственность, отсутствует проверка исполнения»²³.

Однако, следуя указаниям начальства, руководители лагерных отделений порой сами не имели представления о том, как организовывать труд военнопленных, если на это не было соответствующих инструкций. Например, начальник одного из лагерных отделений проверочно-фильтрационного лагеря №0321 в Саратовской области в мае 1945 г. в одном из писем спрашивал руководителя лагеря майора Сороко, «можно ли использовать на трудоемких работах пленных офицеров в качестве командиров взводов и бригадиров на равных правах с другими военнопленными?»²⁴.

Дополнительные трудности возникали в случае отсутствия четких договоренностей между лагерями, поставившими военнопленных, и хозорганами-работодателями. Несоблюдение условий договора также приводило к нарушениям в организации труда. Например, в результате того, что строительный трест, отвечавший за строительство газопровода Саратов-Москва, не предоставил необходимого жилья для размещения, администрация лагеря №0321 отказалась выводить 500 военнопленных на строительную площадку, обосновывая это еще и недостатком охраны. В мае 1945 г. руководство лагеря выражало озабоченность тем, что спецконтингент используется непроизводительно по причине недостаточности стройматериалов, недостатка и плохого качества строительных инструментов, полного отсутствия спецодежды, неудов-

летворительного технического руководства со стороны хозоргана и отдаленности лагеря от места работы. Отмечая дисциплинированность и трудолюбие военнопленных, начальник одного из лагерных отделений лагеря №0321 лейтенант Абалмасов сетовал на недостаточные материальные стимулы к труду, поскольку руководство строительства газопровода не выделяет дополнительное питание для тех, кто перевыполняет норму выработки²⁵.

Не были исключением и финансовые нарушения, когда работа военнопленных не оплачивалась хозорганом согласно утвержденным расценкам или оплата задерживалась, в связи с чем администрация лагерей засыпала жалобами региональные управления, а те в свою очередь – центральное руководство. Поскольку одной из главных хозяйственных задач системы ГУПВИ являлась самоокупаемость, которая на практике сводилась к изысканию возможностей сократить дотирование лагерей из госбюджета, центральное руководство органов внутренних дел остро реагировало на нарушения хозяйственными организациями своих обязательств перед производственными главками. 25 июля 1945 г. в телеграмме на имя начальника Ульяновского управления Наркомата внутренних дел Гракова заместитель наркома внутренних дел Чернышов высказал недовольство задолженностью хозорганов лагерю №215, которая образовалась от невыплат за использование военнопленных на предприятиях и строительных организациях области. В связи с этим показатели лагеря по такой позиции, как перечисления доходов в бюджет от предоставления рабочей силы «на сторону», ухудшались. Если верить отчетным материалам лагеря, то в июне 1945 г. доход в госбюджет был перечислен в сумме 20 тыс. рублей, в то время как сумма от валовой выработки военнопленных, которую должна была получить администрация лагеря, составили 315 тыс. рублей. В связи с этим Чернышов в телеграмме настаивал на том, чтобы руководство лагеря №215 в декадный срок потребовало от хозорганов немедленного погашения задолженности: «Учтите, что НКВД впредь не может финансировать лагерь автоматически, без учета размеров возмещения государству произведенных затрат» говорилось в телеграмме²⁶.

Сама задолженность хозяйственных организаций перед лагерем образовалась, как выяснилось впоследствии, в результате невыплат по авансам лагерям. 9 августа 1945 г. руководитель Ульяновского УНКВД полковник Граков в обращении к Исаеву – начальнику Особой строительной-монтажной части №18 Наркомата строительства, которая использовала на своих объектах труд военнопленных, указывал на то,

что эта организация допускает систематическую просрочку платежей за работу военнопленных. В результате лагерь №215 не может выполнить финансовый план. Руководитель ульяновского УНКВД просил погасить согласно заключенному договору задолженность в 188 тыс. рублей согласно авансовым платежам, которые администрация лагеря предъявила Особой строительной-монтажной части №18²⁷.

К числу хозяйственных задач лагерной администрации относились обязанности обеспечить максимальное участие военнопленных в трудовой деятельности, за счет которой могли бы окупаться расходы на содержание лагерной сети, в том числе и содержание неработающих узников (находившихся на карантине, больных, инвалидов), численность которых могла доходить до 30% и более от всего состава лагеря.

Поскольку в большинстве случаев лагеря не имели четкой производственной специализации, военнопленные одного лагеря могли обслуживать десятки предприятий и организаций. Более 50 хозяйственных организаций Саратовской области использовали на своих объектах труд военнопленных лагеря №238. В их числе строительные тресты, металлургические, машиностроительные предприятия. Военнопленные работали и на небольшой фабрике по производству обуви, и на крупнейшем в области авиационном заводе²⁸.

Характерно, что вопрос о привлечении к труду был увязан с национальной принадлежностью. В лагере №238 в Саратовской области охват трудовой повинностью немецких пленников был шире – в производственной деятельности участвовали не только рядовые, но и офицеры в звании до капитана включительно. Пленные офицеры других национальностей привлекались к труду только с их письменного согласия.²⁹

Относительно вклада военнопленных в восстановление народного хозяйства необходимо сказать о региональной специфике. В Поволжье, например, значителен он был в строительной отрасли экономики, хотя статистические данные по лагерям нельзя назвать полными. В Саратовской области наибольший вклад в развитие экономики внес самый крупный, а с 1948 г. единственный лагерь военнопленных №238. В 1947 г. на строительстве газопровода «Саратов-Москва» силами военнопленных были выполнены земляные работы объемом в 185500 м³, уложено кирпича и камня в 5400 м³, собрано 43 дома легкой конструкции. На кирпичных заводах области военнопленные произвели в 1947 г. 9766000 штук кирпича. На Саратовском подшипниковом заводе трудом военнопленных было выпущено 969000 подшипников. Общая

стоимость выполненных военнопленными работ за 1947 г. составила 58134000 рублей³⁰.

При распределении на работу администрация лагерей учитывала физическое состояние военнопленных. Исходя из принятой классификации по категориям труда военнопленные 1-й (годные к любой физической работе) и 2-й категории (годные к труду средней тяжести) относились лагерной статистикой к «трудовому фонду». Таких военнопленных разрешалось использовать на любых работах, с тем лишь условием, что тяжелые условия труда для 2-й категории компенсировались снижением обязательной нормы выработки на 30%. Продолжительность рабочего дня для военнопленных устанавливалась как для вольнонаемных рабочих – 8 часов с обязательными выходными – 4 дня в месяц. Для военнопленных 3-й категории (годных к легкому труду) устанавливался сокращенный рабочий день в 4-6 часов в зависимости от времени года.

Примечательно, что лагерная администрация на низовые руководящие должности (командиры отделений, взводов, рот) назначала военнопленных исходя из принципа политической лояльности – из числа антифашистов и тех, кто проявлял наибольшую дисциплинированность в исполнении указаний начальства³¹.

Характер труда на объектах хозяйственных организаций создавал для администрации лагерей дополнительные проблемы. Центральное руководство требовало использовать узников лагерей в народном хозяйстве, если существовали условия для их содержания и охраны. Однако наличие вредных производств и тяжелых условий труда ограничивало возможности лагерной администрации предоставлять предприятиям рабочую силу в необходимых количествах. Например, лагерь №137 в г.Вольске Саратовской области обязан был предоставлять контингент военнопленных для работы на цементных заводах Министерства промышленности строительных материалов, работа на которых имела вредный характер. В мае 1948 г. туда отправляли более 70% от общего контингента в 2000 человек³².

Максимальное привлечение к труду военнопленных при высокой производительности труда позволяло лагерному начальству рассчитывать на самоокупаемость лагеря. В то же время усиление эксплуатации и тяжелые условия работы могли стать причиной подрыва здоровья узников, сокращения «трудового фонда» лагеря и роста расходов на лечение и дополнительное питание нетрудоспособных людей. Как результат – сокращение перечислений средств от труда военнопленных в бюджет и дополнительные дотации от государства.

Обращение к информационно-отчетным

документам региональных управлений по делам военнопленных в Поволжском регионе показывает, что ситуация с трудовым использованием и самокупаемостью лагерей не была однозначной. По крайней мере ее следует изучать в каждом конкретном случае. Доступные статистические материалы по лагерям №137 и №238 в Саратовской области, лагерю №234 в Куйбышевской области свидетельствуют в целом о том, что труд военнопленных позволил не только окупить их содержание, а также содержание лагерного аппарата и охраны, но и принес прибыль. Так, общая сумма доходов двух указанных лагерей в Саратовской области составила за 1943-1948 гг. 181228000 рублей, а расходов – 150375000 рублей. Таким образом, полученный доход от деятельности лагерей составил 30853000 рублей³³. Часть прибыли расходовалась на лагерные нужды, а другая перечислялась в государственный бюджет. Как правило, средства, полученные от труда военнопленных, шли на содержание госпиталей, в которых находились больные и ослабленные узники, хотя эти расходы ежегодно закладывались в план дотаций за счет государства. В течение всего периода функционирования лагеря №238 его администрация потратила на содержание сети лечебных учреждений 28% полученных доходов³⁴. К числу безубыточных, согласно отчетным материалам, относился и лагерь №234 в Куйбышевской области. В период работы лагеря с 1944 г. по 1949 г. из 130551000 рублей, полученных в виде дотаций от государства и оплаты труда военнопленных хозяйственными организациями, было израсходовано 116793000 рублей. Соответственно накопления составили 15981000 рублей³⁵.

В то же время, опираясь на обобщенные показатели, мы не можем говорить о том, что доходность лагерей была стабильной. Так или иначе, государству все равно приходилось покрывать расходы лагерей, тем более когда труд военнопленных не окупал затрат. Например, несмотря на то, что за общий период своего существования лагеря ГУПВИ в Саратовской области имели превышение доходов над расходами, в отдельные годы они все равно существовали за счет поступлений из бюджета. Тот же лагерь №137 в г. Вольске имел отрицательный баланс доходов и расходов в течение 1943, 1947 и 1948 гг. Еще более успешный в плане ведения хозяйственной деятельности лагерь №238, в районе Саратова, был убыточен в 1944 г.³⁶ Лагерь №234 в Куйбышевской области покрывал расходы за счет государственных дотаций и не имел накоплений в 1944-1945 гг.

Во всех трех случаях мы видим, что первые годы существования лагерей (1943 и 1944 гг.) были дотационными, что, собственно, было

характерно и для всех остальных лагерей. Объяснялось это организационными причинами: размещением военнопленных, карантинном, в период которого военнопленные не выводились на работу. В таких условиях администрация лагеря не имела возможности предоставлять хозяйственным организациям рабочую силу, средства от использования которой и формировали доход лагерей. О том, что расходы на содержание лагерного хозяйства военнопленных и администрации покрывались за счет государственных дотаций, свидетельствуют и статистические данные по лагерям №161 и 399 в Пензенской области. Основанные в 1945 г., они в течение года проходили период реорганизации, в результате которой в декабре все военнопленные были сконцентрированы в одном-единственном лагере (№399). В течение октября - декабря 1945 г. за счет использования труда военнопленных удалось покрыть 35% всех расходов, остальная часть была выделена за счет государственных субсидий³⁷.

Кроме того, период организации нового лагеря и массового поступления контингентов характеризовался тем, что значительная часть военнопленных прибывала в лагерь в состоянии физического истощения от голода и болезней – об этом свидетельствуют все доступные отчетные документы руководства лагерных управлений. Нетрудоспособных узников размещали в спешно организованных госпиталях, содержание которых также покрывалось за счет внешних поступлений. Таким образом, о самокупаемости лагерей военнопленных в организационный период не могло быть и речи. Об этом свидетельствует опыт создания лагерей в Сталинградской и Саратовской областях, куда поступали первые партии попавших в окружение под Сталинградом солдат и офицеров вермахта.

В 1947-1948 гг. убытки лагерей были обусловлены процессом репатриации. Затраты на ее проведение, связанные с организацией транспортировки военнопленных на родину, а также сокращение численности контингента, за которым не успевали сокращать расходы на содержание лагерного аппарата, охраны и существующей инфраструктуры, не давали надежд на самокупаемость. При этом труд военнопленных, если верить лагерной отчетности, оставался продуктивным. По крайней мере производительность труда узников, если сравнивать первый и последний год существования лагерей №137 и №238, увеличилась на 24% и 63% соответственно. А сумма среднего заработка военнопленного в день возросла в 2,4 раза³⁸.

Такие показатели могли достигаться не только путем использования военнопленных на промышленных и строительных объектах

других ведомств, но и за счет перевода на самообеспечение ряда нескольких лагерных хозяйственных служб, вовлечение туда тех, кто по физическим характеристикам не был годен к тяжелой работе. В лагере №238 в каждом отделении имелись собственные мастерские по ремонту и изготовлению одежды и обуви, что позволило лагерному начальству экономить на вещевом снабжении.

Имеющиеся данные бухгалтерских отчетов управлений лагерей на территории Поволжья свидетельствуют о том, что структура расходов представляла собой затраты, которые шли по двум группам: содержание военнопленных и административно-хозяйственного аппарата.

Для военнопленных средства выделялись на питание, вещевое снабжение, медицинское обслуживание и культурно-массовую работу. Содержание администрации, обслуживающего персонала и охраны обходилось довольно дорого, опять же в случае реорганизационных изменений. Например, в 1945 г. из общей суммы затрат лагеря №161 в Пензенской области в размере 1441000 рублей на содержание администрации и охраны было потрачено 761000 рублей, или 52% всех расходов. Это в 1,7 раза превышало размер средств, выделенных на питание и одежду для пленных³⁹. Такая структура расходов была связана с тем, что лагерь был к декабрю 1945 г. расформирован, военнопленные вывезены, однако административно-хозяйственный аппарат еще продолжал какое-то время функционировать, а это потребовало средств на его содержание. В крупных производственных лагерях в период реорганизации структура расходов была несколько иной. На содержание военнопленных лагеря №399 в Пензенской области в октябре-декабре 1945 г. было направлено 77% всех средств от общей суммы расходов в 8888000 рублей. 1149000 рублей потратили на содержание аппарата лагеря⁴⁰. Расходы на содержание военнопленных в лагерях Сталинградской области в 1945 г. распределялись примерно так же – основные средства шли на питание и одежду для военнопленных. Из всех расходов в 52962000 рублей только на питание узников было потрачено 59,5% всех средств, 12,2% – на вещевое снабжение, 8,15% – на денежное вознаграждение тем, кто перевыполнял производственные нормы. Финансирование лагерной администрации, обслуживающего персонала и охраны составило 20,1% всех расходов⁴¹.

Степень эффективности применения труда военнопленных зависела, как известно, от многих факторов: от физического состояния, психологических установок и материальных стимулов к работе, квалификации. Однако в меньшей

степени производительность труда и качество выполненной работы зависели от лагерного персонала и руководителей хозяйственных организаций, отвечавших за рациональную организацию работы военнопленных, снабжение их материалами, качественным инструментом, спецодеждой и т.д. Порой именно в этом крылась причина того, что труд военнопленных на объектах советской экономики не оправдывал ожиданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ С марта 1946 г. Совет народных комиссаров СССР был переименован в Совет министров СССР.
- ² Архив ГУ МВД по Волгоградской области. Ф.33. Оп.1. Д.36. Л.62-64.
- ³ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф.4372. Оп.94. Д.197. Л.186.
- ⁴ Там же. Л.131.
- ⁵ Там же. Л.368.
- ⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р.- 5446. Оп.49. Д.2667. Л.19. 23 августа 1947 г. аналогичная просьба поступила в секретариат Берии и от руководства Калужской области – секретаря обкома И. Попова и облисполкома П. Шурыгина. Они сетовали на неудовлетворительную работу треста «Калужстрой» Министерства жилищного гражданского строительства РСФСР и просили Берию «дать указания МВД СССР выделить через УМВД Калужской области тресту «Калужстрой» для строительно-восстановительных работ 300-350 заключенных» // ГАРФ. Ф.Р.- 5446. Оп.49. Д.2667. Л.37-39.
- ⁷ См. например, ответ замминистра МВД В.С. Рясного секретарю Сталинградского обкома Прохвятилову 24 октября 1947 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф.113. Оп.24. Д.80. Л.60.
- ⁸ РГАЭ. Ф.4372. Оп.94. Д.197. Л.335.
- ⁹ Там же. Л.300.
- ¹⁰ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945-1953. М.: «РОССПЭН», 2002. С.24.
- ¹¹ РГАЭ. Ф.4372. Оп.94. Д.903. Л.17.
- ¹² ГАРФ. Ф.Р.- 5446. Оп.50. Д.2679. Л.57.
- ¹³ Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф.Р.- 1128. Оп.1. Д.59. Л.40.
- ¹⁴ Там же. Л.22.
- ¹⁵ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф.511п. Оп.1. Д.9. Л.47.
- ¹⁶ Там же. Л.48.
- ¹⁷ Там же. Л.48-49.
- ¹⁸ Там же. Л.91.
- ¹⁹ РГВА. Ф.1п. Оп.19а. Д.6. Л.184.
- ²⁰ Там же. Л.187.
- ²¹ ЦДНИВО. Ф.113. Оп.24. Д.80. Л.3.
- ²² РГВА. Ф.1п. Оп.19а. Д.6. Л.188.
- ²³ Архив ГУВД МВД РФ по Саратовской области. Ф.87. Оп.1. Д.112. Л.49.
- ²⁴ Там же. Л.76.
- ²⁵ Архив ГУВД МВД РФ по Саратовской области. Ф.87. Оп.1. Д.112. Л.80.
- ²⁶ РГВА Ф.511п. Оп.1. Д.9. Л.52.
- ²⁷ Там же. Л.55.

²⁸ Военнопленные в СССР. 1939-1956: Документы и материалы. Т.5. Кн.1: Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР, 1941-1951: отчет.-информ. материалы / Под ред. М.М. Загоруйко. Волгоград, 2005. С.714.

²⁹ Там же. С.715.

³⁰ Там же. С.716.

³¹ Там же. С.715.

³² Там же. С.701.

³³ Там же. С.702.

³⁴ Там же. С.718.

³⁵ Там же. С.692.

³⁶ Там же. С.718.

³⁷ ГАРФ. Ф.-Р. 9401. Оп.4. Д.315. Л.116.

³⁸ В лагере №137 выработка на одного военнопленного в день возросла с 7 рублей 57 копеек в 1943 г. до 18 рублей 59 копеек в 1948 г. В лагере №238 этот показатель составил 8 рублей 70 копеек в 1944 г. и 21 рубль 38 копеек в 1949 г. Военнопленные в СССР. 1939-1956: Документы и материалы. Т.5. Кн.1... С.702, 719.

³⁹ ГАРФ. Ф.-Р. 9401. Оп.4. Д.315. Л.104.

⁴⁰ Там же. Л.108.

⁴¹ Там же. Л.370.

**«DEPARTMENTAL EGOISM»:
THE GOVERNMENT, GOSPLAN AND THE ECONOMIC AMBITIONS OF THE SOVIET
ECONOMY AGENTS IN THE EMPLOYMENT OF WAR PRISONERS IN 1945-1949**

© 2017 A.V. Zaharchenko

Samara Branch of Moscow City Pedagogical University,
Volga Branch of Institute of Russian History of Russian Academy of Science, Samara

The author discusses the collisions of departmental interests in the Soviet post-war economy on the example of the problem of distribution and employment of war prisoners.

Keywords: State Planning Committee, interdepartmental conflicts, prisoners of war, People's Commissariat for Internal Affairs - Ministry of Internal Affairs, Council of Ministers.